

БИБЛИОТЕКА КЛАССИКИ

*

Русская литература

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
БИБЛИОТЕКИ КЛАССИКИ

АНДРЕЕВ Л. Г.
БЕРДНИКОВ Г. П.
ДОЛГОВ К. М.
ОЗЕРОВ В. М.
ПУЗИКОВ А. И.
САХАРОВ А. Н.
СЕВРУК В. Н.
ХРАПЧЕНКО М. Б.
ЧХИКВИШВИЛИ И. И.
ШМАРИНОВ Д. А.

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1985

Л. Н. ТОЛСТОЙ

АННА КАРЕНИНА

РОМАН В ВОСЬМИ ЧАСТЯХ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1985

Вступительная статья

Э. Бабаева

Иллюстрации

О. Верейского

© Иллюстрация. Издательство «Художественная литература», 1977 г.

© Вступительная статья. Издательство «Художественная литература», 1981 г.

Т $\frac{4702010100-175}{028 (01)-85}$ 11-85

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ЕГО РОМАН «АННА КАРЕНИНА»

П. М. Третьяков, известный московский собиратель картин, очень хотел, чтобы в его галерее были представлены портреты знаменитых писателей его времени, выполненные кистью русских художников. У него уже были портреты Тургенева, Достоевского, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, а Л. Толстого не было. И Третьяков просил художника И. Н. Крамского поехать в Ясную Поляну. «Прошу вас,—говорил Третьяков,—сделайте одолжение для меня, употребите все ваше могущество, чтобы добыть этот портрет»¹.

И Крамской поехал в Ясную Поляну. Это было осенью 1873 года. Как раз в эти дни Толстой обдумывал и начинал писать «Анну Каренину». Ему ни с кем не хотелось видаться и разговаривать. «Я как запертая мельница»,—сказал он о себе в письме к одному из своих знакомых. Крамской не застал Толстого дома. Художнику сказали, что Лев Николаевич куда-то отлучился. Крамской пошел его разыскивать. Он спросил у работника, рубившего дрова:

— Не знаешь ли, голубчик, где Лев Николаевич?

Работник распрямился, взглянул на него внимательно и ответил:

— А вам он зачем? Это я и есть.

Так произошла встреча Крамского с Толстым.

Сначала Толстой отказывался позировать художнику. Но Крамской

¹ Переписка И. Н. Крамского. Крамской и Третьяков. М., 1953, с. 64.

«употребил все свое могущество» и все же уговорил его. И начались сеансы в яснополяском доме. Крамской работал сразу на двух холстах. Один портрет предназначался для семьи Толстого, а другой — для Третьяковской галереи.

«У нас теперь всякий день бывает художник живописец Крамской, — сообщала С. А. Толстая своей сестре Т. А. Кузминской, — и пишет два Левочкиных портрета масляными красками... замечательно похожи, смотреть страшно даже»¹.

Многое поразило Крамского в облике и образе мыслей Толстого. Перед ним был уже не тот человек, который написал когда-то «Детство», «Казаков» и «Войну и мир». Крамской почувствовал, что в Толстом происходит какая-то важная перемена. И ему удалось схватить выражение и общую атмосферу того времени, когда Толстой начинал работу над своим современным романом. В письме к Репину художник рассказывал о своих впечатлениях: «А граф Толстой, которого я писал, интересный человек, даже удивительный. Я провел с ним несколько дней и, признаюсь, все время был в возбужденном состоянии. На гения смахивает...»²

Что касается Толстого, то для него художник Крамской тоже был находкой. Толстому нравилась его «очень хорошая и художественная натура»³. Он увлекся беседами с художником во время длительных сеансов. Они говорили об «избрании пути» в жизни и в искусстве, о «старых мастерах» и новом отношении к живописи, о правде творчества и просвещении народа. Некоторые из этих бесед нашли затем отражение на страницах «Анны Карениной», особенно там, где изображен художник Михайлов.

Крамского поразила цельность натуры Толстого. Он понял, может быть, самую важную особенность эпического мышления автора «Анны Карениной». «Я помню удовольствие в первый раз от встречи с человеком, у которого все детальные суждения крепко связаны с общими положениями, как радиусы с центром, — пишет Крамской. — О чем бы речь ни шла... суждение поражало своеобразностью точки зрения»⁴.

Портрет Толстого, созданный в 1873 году в Ясной Поляне, представляет собой пластическое, художественное выражение целой эпохи в жизни великого писателя. Перед нами автор «Анны Карениной», вполне сложившийся человек, полный раздумий о современности, об истории, о душе человеческой. По свидетельству людей, близко знавших Толстого в те годы, сходство, которого достиг Крамской, было поразительным.

В. В. Стасов говорил: «Все те высокие и своеобразные элементы, кото-

¹ Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1870 по 1881 год. М., 1963, с. 149.

² Крамской И. Н. Письма. Статьи, т. II. М., 1965, с. 238.

³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90-та томах (юбилейное издание). М., 1928—1957, т. 62, с. 60. В дальнейшем ссылки на это издание даются сокращенно: указывается том и страница.

⁴ Крамской И. Н. Письма. Статьи, т. II, с. 170.

рые образуют личность графа Толстого: оригинальность, глубина ума, феноменальная сила творческого дара, доброта, простота, непреклонность воли,— все это с великим талантом нарисовано Крамским на лице графа Толстого¹.

I

Каждое новое произведение Льва Толстого было настоящим открытием для читателя. Но оно было открытием и для автора. «Содержание того, что я писал,— говорил Толстой,— было мне так же ново, как и тем, которые читают»².

В каждой новой книге Толстому прежде всего дорога была ее главная мысль. Так, если в «Войне и мире» он, по собственным словам, «любил мысль народную, вследствие войны 1812 года», то в «Анне Карениной» он любил «мысль семейную». Конечно, и в «Войне и мире» есть семейная хроника, и в «Анне Карениной» есть картины народной жизни. Но мысль, которую любил автор, является как бы мощным источником света, определяющим распределение теней в его живописи и глубину изображения.

Над «Войной и миром» Толстой работал в течение пяти лет; на «Анну Каренину» было положено приблизительно столько же времени. «Книга о прошлом» — «Война и мир» — и «роман из современной жизни» — «Анна Каренина» — принесли Толстому-художнику мировую известность и признание.

Толстой был в равной мере историчен и современен в своих творческих замыслах. «Я вывел неотразимое заключение,— отмечал Достоевский,— что писатель художественный, кроме поэмы, должен знать до мельчайшей точности (исторической и текущей) изображаемую действительность. У нас, по-моему, один только блистает этим — граф Лев Толстой»³.

Как «Война и мир» была открытием исторической народной жизни, так «Анна Каренина», поразившая современников «вседневностью содержания», была открытием современности, ее закономерностей, скрытых в глубине текущих событий.

Толстой принадлежал к великой плеяде русских писателей XIX века. В 70-е годы наряду с Тургеневым, Некрасовым, Островским, Достоевским он разрабатывал «историю души человеческой» в ее отношении к обществу, к истории, к прошлому и будущему родной страны. Толстой находил в русской литературе опору и поддержку своих смелых исканий правды и справедливости.

¹ Стасов В. В. Статьи и заметки, т. III. М., 1954, с. 123.

² Толстой Л. Н., т. 65, с. 18.

³ Достоевский Ф. М. Письма, т. III. М.—Л., 1934, с. 206.

В 70-е годы были созданы такие классические произведения, как «История одного города» и «Современная идиллия» Салтыкова-Щедрина, «Бешеные деньги» и «Лес» Островского, «Вешние воды» и «Новь» Тургенева, «Запечатленный ангел» и «Очарованный странник» Лескова, «Подросток» и «Бесы» Достоевского, «Русские женщины» и «Последние песни» Некрасова. Целая эпоха в русской литературе! К этой эпохе принадлежала и «Анна Каренина».

Именно в эти годы обозначился исторический смысл стремления «избавиться от всех наследственных грехов». «Чистота нравственного чувства», которую отметил еще Н. Г. Чернышевский в ранних произведениях Толстого, раскрывалась с новой силой в его зрелом романе. «Анна Каренина» была одной из самых смелых попыток в русской литературе 70-х годов ответить на вопросы, которые уже были поставлены самой жизнью. Художественные завоевания Толстого возникали из глубокого исследования действительности и смелой переоценки ценностей.

Именно эта переоценка ценностей стала источником духовного кризиса Толстого и привела к перелому в его мировоззрении в конце 70-х — начале 80-х годов. Вслед за «Анной Карениной» Толстой написал свою «Исповедь», первое философское сочинение из целого ряда публицистических работ, созданных им в позднейшие годы. «Со мной случился переворот, — признавался Толстой, — который давно готовился во мне и задатки которого всегда были во мне. Со мной случилось то, что жизнь нашего круга — богатых, ученых — не только опротивела мне, но потеряла всякий смысл»¹.

О том, как совершался этот переворот, можно судить по роману «Анна Каренина», в котором отразились и духовные искания Толстого, и его стремление понять через частные, семейные обстоятельства общие закономерности современной жизни. В истории Левина и Кити воплощены не только ранние, поэтичные воспоминания Толстого о начальной поре его семейной жизни в Ясной Поляне, но и некоторые черты позднейших, усложнившихся отношений с окружающими и к окружающему. Уже в 1871 году Софья Андреевна Толстая записывала в своем дневнике: «Что-то пробежало между нами, какая-то тень, которая разъединила нас... С прошлой зимы, когда Лёвочка и я, мы были оба так больны, что-то переломилось в нашей жизни. Я знаю, что во мне переломилась та твердая вера в счастье и в жизнь, которая была»².

Тень разлада скользит по всей книге Толстого. Она возникает именно в семье, в узком, домашнем кругу, принимает различные формы в доме Каренина, в семействе Облонского, в имении Левина, и остается тенью, которая разъединяет близких людей. «Мысль семейная» приобретает особую остроту, становится тревожным фактором времени, потому что разлад

¹ Толстой Л. Н., т. 23, с. 40.

² Толстая С. А. Дневники, т. I. М., 1978, с. 84.

выходит за пределы семейного круга и захватывает важные области общественного быта.

«Началось с той поры,— вспоминал Толстой в 1884 году,— 14 лет, как лопнула струна, и я сознал свое одиночество»¹. Значит, это произошло именно в те годы, когда он задумал «Анну Каренину». Толстой по-прежнему хотел жить в согласии «с собой, с семьей», но у него возникали новые философские и жизненные побуждения, которые приходили в противоречие с установившимся жизненным укладом барской усадьбы, что усиливало разлад в семье. Те же тревожные ощущения были и у Левина. В Покровском варят варенье, пьют чай на террасе, наслаждаются солнцем, тенью и тишиной. А Левин по дороге из усадьбы в деревню думает: «Им там все праздник, а тут дела не праздничные, которые не ждут и без которых жить нельзя». «Давно уже ему хозяйственные дела не казались так важны, как нынче». Некоторые мысли Левина похожи на дневниковые записи Толстого.

Толстой чувствовал и свое одиночество, и свою кровную связь с народной жизнью, и отчаяние от сознания своего бессилия разрешить мучившие его вопросы, и надежду найти это разрешение в слиянии с народом. Но свою прежнюю веру в законность и справедливость усадебного уклада он уже утратил, а жить по механическим правилам налаженного быта тоже не мог.

Разрушались не только бытовые привычные представления, но и все идеологические, философские и религиозные верования. Переоценка ценностей была мучительным процессом, и Толстой иногда ощущал совершенную опустошенность. «Я всеми силами стремился прочь от жизни,— пишет он в «Исповеди». — Мысль о самоубийстве пришла мне так же естественно, как прежде приходили мысли об улучшении жизни»².

Не потому ли в романе «Анна Каренина» эта тема заняла такое большое место? «И, счастливый семьянин, здоровый человек, Левин был несколько раз так близок к самоубийству,— пишет Толстой,— что спрятал пистолет, чтобы не повеситься на нем, и боялся ходить с ружьем, чтобы не застрелиться. Он тогда жил «под угрозой отчаяния».

Эта угроза довела до гибели Анну Каренину, когда она почувствовала «невозможность борьбы». И Вронский стреляется, но неудачно. Герои Толстого «естественно» проходят через крайние пределы отчаяния, как проходил через них и сам Толстой. В каждом из героев «Анны Карениной» есть нечто от мироощущения Толстого, от его сознания мучительности самого процесса «переоценки ценностей».

Толстой в своей «Исповеди» написал: «Я жил дурно». Этим он хотел сказать, что, живя «как все», он мало думал об «общем благе», заботился лишь об «улучшении своей жизни», был погружен в привычный мир помещичьего усадебного быта. И постепенно ему открылась историческая и

¹ Толстой Л. Н., т. 49, с. 98.

² Там же, т. 23, с. 12.

нравственная несправедливость этой жизни, и у него возникло желание отречься от этой жизни «в исключительных условиях эпикурейства», «удовлетворения похоти и страстям». Но именно в этих условиях и живут герои его романа — Анна, ее родной брат Облонский, Бронский, Яшвин и другие.

Один Левин, который знал все соблазны эпикурейства, в том числе и соблазн «праздного умствования», усомнился в правильности своей жизни. И он мог повторить вслед за Толстым: «это и спасло меня», «благодаря природной любви к простым людям». «Я спасся от самоубийства,— пишет Толстой в «Исповеди».— Постепенно, незаметно возвратилась ко мне эта сила жизни... Я вернулся во всем к самому прежнему, детскому, юношескому»¹.

В последней части романа Толстой рассказывает о встрече Левина с простым крестьянином Федором во время уборки урожая: «Было самое спешное рабочее время, когда во всем народе проявляется такое необыкновенное напряжение самопожертвования в труде, какое не проявляется ни в каких других условиях жизни и которое высоко ценимо бы было, если бы люди, проявляющие эти качества, сами ценили бы их, если б оно не повторялось каждый год и если бы последствия этого напряжения не были так просты».

«Необыкновенное напряжение самопожертвования», которое Левин вдруг увидел и почувствовал в народе, совершенно изменило образ его мыслей. Ни в каких других условиях жизни он не мог бы так близко подойти к самому смыслу жизни, как именно в это «спешное рабочее время». Его собственные затруднения, рационально построенные доводы вдруг разлетелись, как «паутина» под напором свежего ветра. И новые «значительные мысли толпою как будто вырвались откуда-то иззаперти и, все стремясь к одной цели, закружились в его голове, ослепляя его своим светом».

Левин так же, как Толстой, искал «общей жизни человечества». И когда он почувствовал, что это возможно — приобщиться к тому, чем живет великий народный мир,— его отчаяние прошло так же естественно, как и возникло. «Спасло меня только то, что я успел вырваться из своей исключительности и увидеть жизнь настоящую простого рабочего народа,— пишет Толстой в «Исповеди»,— и понять, что это только есть настоящая жизнь»².

Чувствуя свое «отпадение» (слово из «Исповеди» Толстого) от верований, традиций, условий жизни «своего круга», Левин хотел понять жизнь тех, кто «делает жизнь», «и тот смысл, который он придает ей». «Простой трудовой народ вокруг меня был русский народ, и я обратился к нему и к тому смыслу, который он придает жизни!» Только так он мог спастись от «угрозы отчаяния».

«Жизнь моя теперь,— думает Левин,— вся моя жизнь, независимо от

¹ Толстой Л. Н., т. 23, с. 46.

² Там же, с. 43.

всего, что может случиться со мной, каждая минута ее — не только не бессмысленна, какую была прежде, но имеет несомненный смысл добра, который я властен вложить в нее!» Этими словами и заканчивается роман «Анна Каренина».

«Мысль народная» в «Анне Карениной» вырастает из зерна «мысли семейной». Оба эти начала в романе Толстого неразрывно связаны друг с другом. Эта связь определяется не только романическим замыслом Толстого, но и закономерностями его развития как художника и мыслителя. В его духовных исканиях отразилась целая эпоха русской жизни.

Именно в 70-е годы, через десять лет после крестьянской реформы, Толстой написал свой современный роман. «Острая ломка всех «старых устоев» деревенской России,— пишет В. И. Ленин,— обострила его внимание, углубила его интерес к происходящему вокруг него, привела к перелому всего его мирозерцания. По рождению и воспитанию Толстой принадлежал к высшей помещичьей знати в России,— он порвал со всеми привычными взглядами этой среды»¹. И это тоже было следствием его «народной мысли».

Так, двумя кругами—сжимающимся и ведущим к отчаянию кругом жизни «исключений» и расширяющимся кругом полноты бытия и «настоящей жизни» — очерчен мир современного романа Толстого. Именно поэтому «Анна Каренина» — цельное произведение, со строгой внутренней закономерностью развития сюжета и характера героев. В романе есть неотвратимая логика, которая предопределяет завязку и разрешение конфликта и соотношение всех частей, в которых нет ничего лишнего,— признак классической простоты в искусстве.

II

«Анна Каренина» — энциклопедический роман. Целая эпоха с ее надеждами, страстями, тревогами отразилась в книге Толстого. Это была эпоха огромного исторического значения. «Шум времени» до предела наполнял Ясную Поляну, где Толстой писал свой «роман из современной жизни».

Одна из заметок Достоевского об «Анне Карениной» называется «Злоба дня». «У писателя-художника в высшей степени, беллетриста по преимуществу» Достоевский нашел воплощение «настоящей злобы дня», то есть всего важнейшего, «что есть важнейшего в наших текущих вопросах, и как бы собранное в одну точку»².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 39—40.

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти томах, т. 25, с. 51.

Герои толстовского романа и сам Толстой — это люди, выросшие при крепостном праве, видевшие крушение векового уклада, «старых устоев» и принадлежащие вместе с тем новому, «переходному времени» — 70-м годам. Толстой уловил в самой эпохе «метания мысли», неустойчивость, шаткость. «Все смешалось...» — формула лаконичная и многозначная. С нее и начинается роман.

Деятели освобождения, боровшиеся против крепостного права, благородные и мужественные «шестидесятники», обладали верой в «данное общественное развитие». Они верили в возможность уничтожения рабства, у них были силы для борьбы и ясное сознание целей. Но они не ставили вопроса о том, как сложатся пореформенные условия, ограничиваясь расчисткой пути для европейского развития России.

В 70-е годы положение изменилось. Десять лет реформ показали, что крепостничество крепко сидит в хозяйстве и прекрасно уживается с новыми формами буржуазного стяжания. Прежней веры в пути и цели борьбы не было. Устои нового времени оказались непрочными. Катастрофы на железных дорогах, крахи банков, разорение дворянства, самоубийства и восклицания «хлеба и зрелищ» производили на современников ошеломляющее впечатление.

Появилась новая черта общественного сознания, которую Блок метко назвал «семидесятическим недоверием и неверием»¹. Эту коренную черту внутренней «неверности», «шаткости», «измены», «потерянности» Толстой уловил в психологии современного человека и внес ее в свой роман как характерную примету переходного времени.

«Сюжет романа — неверная жена, и вся драма, происшедшая от этого», — говорил Толстой в самом начале своей работы над романом «Анна Каренина»². Именно этот сюжет и составил событийную, внешнюю сторону его книги. А внутренний смысл повествования вышел далеко за пределы «семейной истории». Да и сама эта семейная трагедия переосмыслилась в более широком плане.

«Я очень часто сажусь писать одно и вдруг перехожу на более широкие дороги, — признается Толстой, — сочинение разрастается»³. Частный замысел семейной истории о неверной жене превращался в широкий свободный роман, полный философской и социальной значительности.

Энциклопедический характер романа Толстого проявляется не только в обилии «примет времени», но и «проблем времени», в самой постановке таких исторически связанных друг с другом проблем, как семья, частная собственность и государство, то есть мироустройство человеческое. На все эти вопросы у Толстого была своя нравственно-историческая точка зрения.

¹ Блок А. А. Собр. соч., т. 5. М. — Л., 1962, с. 236.

² Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого, 1828—1890. М., 1958, с. 403.

³ Литературное наследство, т. 37/38. М., 1939, с. 426.

Один из первых критиков «Анны Карениной» в романе Толстого признаки самого осязаемого разрушения семейного начала¹. И в самом деле, Толстой был не только историком одного «частного семейства» Карениных, но летописцем дворянской семейственности, которая во второй половине XIX века стала клониться к упадку.

Семья Каренина разрушается, несмотря на все его усилия сохранить «обстановку счастья» в своем доме. Каренин был решительным сторонником «нерасторжимости брака». «В вопросе, поднятом в обществе о разводе,— говорится в одном из черновиков романа,— Алексей Александрович и официально и частно всегда был против»².

Но Каренин, «и официально и частно», терпит поражение. Толстой явно сочувствует Каренину и считает его взгляд на семью верным, но, не погрешив против истины, рисует Каренина беспомощным перед новыми веяниями времени. Ему не удастся сохранить «обстановку счастья» и в своем доме.

Разрушение семьи и отрицание нерасторжимости брака обычно связывались с влиянием нигилизма. В черновиках романа упоминается встреча Анны с нигилистом и «его утешение». Но потом Толстой отбросил это, в сущности поверхностное, объяснение. То, что казалось принадлежащим лишь нигилистическим кружкам, Толстой изобразил в своем романе как «веяние времени», проникающее во все сферы жизни, даже в жизнь «высшего света». Так Анна вступает в «борьбу за существование»...

Нигилистические теории брака и «свободной любви» были совершенно чужды Толстому. В «Анне Карениной» он именно «любил мысль семейную». И хотел найти залог и истоки возрождения семейного начала в жизни патриархального крестьянства. Так мечта Левина об опрощении сливается с идеалом «трудовой и прелестной жизни». «Левин часто любовался на эту жизнь,— пишет Толстой,— часто испытывал чувство зависти к людям, живущим этой жизнью...»

Во время сенокоса Левина поразило отношение крестьянина Ивана Парменова к жене, которая «вскидывала навилину высоко на воз», а тот «поспешно, видимо стараясь избавить ее от всякой минуты лишнего труда, подхватывал, широко раскрывая руки, подаваемую охапку и расправлял ее на возу». «В выражениях обоих лиц была видна сильная, молодая, недавно проснувшаяся любовь».

Любовь была счастливым открытием Левина так же, как печальным откровением Каренина было сознание того, что любви больше нет. Счастья нет и в новой, «незаконной семье» Вронского. Нет любви и в семействе Облонских. «Все члены семьи и домочадцы чувствовали, что нет смысла в их сожительстве и что на каждом постоялом дворе случайно сошедшиеся

¹ Отечественные записки, 1875, № 6, с. 302.

² Толстой Л. Н., т. 20, с. 267.

люди более связаны между собой, чем они, члены семьи и домочадцы Облонских», — пишет Толстой.

В этом мире, утратившем «смысл любви», особенно значительными были тревоги Левина. Ему иногда кажется, что «от него зависит переменить ту столь тягостную, праздную, искусственную и личную жизнь, которую он жил, на эту трудовую, чистую, общую и прелестную жизнь», которую он понял, глядя на Ивана Парменова во время сенокоса.

Но Левин понимает и то, что переменить свою жизнь не так-то просто и это дело не зависит только от его личного желания. Вопрос упирается прежде всего в собственность. Ну, так что же я сделаю? — размышляет он. — Как я сделаю это? И тут ничего ясного ему не представлялось. «Иметь жену? Иметь работу и необходимость работы? Оставить Покровское? Купить землю? Приписаться в общество? Жениться на крестьянке? Как же я сделаю это?» Левин был и остается мечтателем. Ничего из того, что привлекало его во внешних переменах жизни, он не осуществил. Но он почувствовал необходимость перемен, а это была уже его большая победа.

Нигде так ясно не прослеживается прямая связь между паткостью и разрушением дворянской собственности, как в истории Облонских. Жизнь «вытесняет праздного человека», — пишет Толстой. Облонский проживается, распродавая свои леса, последнюю защиту своего имения. И дом его в Ергушове разваливается...

Описание Ергушова в «Анне Карениной» совершенно совпадает с тем, что писал о дворянском землевладении 70-х годов один из самых глубоких публицистов той эпохи А. Энгельгардт в своих знаменитых письмах из деревни: «Никто в деревне не живет, никто хозяйством не занимается, все служат, все разбежались и где находятся, бог их знает»¹.

Впрочем, Левин остается в деревне, энергично хозяйничает, но и он чувствует себя беспомощным и даже сравнивает себя с «весталкой», которая одна «должна хранить огонь». Хозяйство противится Левину, и он борется с «какой-то воображаемой стеной». Если Каренин неудачлив в роли главы семьи, то Левину выпадает роль неудачника в «науке хозяйства».

«Он ясно видел теперь, — пишет Толстой, — что то хозяйство, которое он вел, была только жестокая и упорная борьба между им и работниками, в которой на одной стороне, на его стороне, было постоянное напряженное стремление переделать все на считаемый лучшим образец, на другой стороне — естественный порядок вещей». Что бы Левин ни говорил своим вчерашним крепостным, они слушали только «пение его голоса». А слов его не понимали и не хотели понимать. «Трудность состояла в непобедимом недоверии крестьян к тому, чтобы цель помещика могла состоять в чем-нибудь другом, кроме желания обобрать их сколько можно». Левин признается, что «лодка его течет». И как в семейном укладе он искал «опро-

¹ Отечественные записки, 1876, № I, с. 85—88.

щения», так в делах, касающихся хозяйства, приходит к мысли об «отречении»: «это было отречение от своей старой жизни, от своих бесполезных забот». Мысль чрезвычайно смелая.

Еще более острой была в романе Толстого проблема государства. Сам Толстой принадлежал к верхам общества. Титул графа был пожалован его пращуру основателем русского дворянского государства Петром Великим. По праву наследства Толстому принадлежала Ясная Поляна, обширное имение с крепостными крестьянами, лесами, со всеми землями, водами и рыбной ловлей... Он говорил, что у него даже соловьи под окнами были свои, а не казенные.

Но у Толстого, кроме обширных помещичьих владений, было также великое чувство совести. Еще в 1861 году он всячески содействовал освобождению крестьян от крепостной зависимости. Постепенно в нем окончательно сформировалось острое сознание своей исторической вины перед народом. Можно сказать, что в лице графа Толстого с его мечтой об опрощении старая русская дворянская государственность приходила к самоотрицанию. В этом и состоял исторический смысл его нравственного отречения от жизни «нашего круга богатых и ученых».

О том, как далеко заглядывал Толстой уже в 70-е годы, говорит и то, что он в своем романе изобразил трех братьев, разделенных резкими социальными противоречиями. Их идеалы не могли не прийти в столкновение. Сергей Кознышев, старший брат Константина Левина, был либералом, человеком привилегированного класса, который при всей своей либеральности дорожил больше всего именно этой своей привилегированностью. Отношения Константина Левина к Кознышеву всегда были «ласково-холодными». Зато другой брат Левина, Николай, относится к Кознышеву прямо враждебно. По его мнению, Кознышев «все силы ума употребляет на то, чтобы оправдать существующее зло». В отличие от Кознышева, Николай Левин придерживается революционных идей. «Так сложилось общество,— говорит он о крестьянах и фабричных рабочих,— что чем больше они будут работать, тем больше будут наживаться купцы, землевладельцы, а они будут скоты рабочие всегда. И этот порядок нужно изменить».

Цель русской революции Николай Левин видит в том, чтобы «вести народ из рабства». «Ты должен выбрать между мною и им»,— говорит он Константину Левину, продолжая разговор о Кознышеве. Левин не либерал, но он и не революционер. Он представляет собой тип «кающегося дворянина», которому важнее всего чувствовать, что он не виноват...

Левин так же, как Толстой, думает не об экономической или политической революции, а о революции духовной, которая, по его мнению, должна примирить интересы и создать «согласие и связь» между людьми вместо «вражды и несогласия». «Он старался сделать что-нибудь такое, что сделало бы добро для всех, для человечества, для России, для губернии, для всей деревни...» Левин видит, что жизнь меняется быстрее, чем он этого хотел бы. Он чувствует, что «недовольство хозяйством, которое он теперь

испытывал, есть не исключительно его положение, а общее условие, в котором находится дело в России». Это чувствует не он один, но все, с кем он сталкивается в деревне.

«У нас теперь,— думает Левин,— когда все это переверотилось и только укладывается, вопрос о том, как уложатся эти условия, есть только один важный вопрос в России». Вот общая формула эпохи, которая определяет и настроение, и тон, и характеры действующих лиц современного романа Толстого.

В. И. Ленин считал эту формулу — «у нас теперь все это переверотилось и только укладывается» — справедливой для всего «перевала русской истории» — от падения крепостного права в 1861 году до первой русской революции 1905 года¹. Современный роман Толстого содержал крупные исторические идеи, которые раскрывались во времени, подтверждая его предчувствия и ожидания.

Толстой был уверен, что изменится «весь строй жизни». «Наша цивилизация так же идет к своему упадку, как и древняя цивилизация»², — говорил он. Это ощущение приближающихся коренных перемен в жизни России уже высказано в «Анне Карениной», где есть характерная кризисная историческая метафора, которая раскрывается в целом ряде сцен, и в первую очередь в сцене красносельских скачек. Скачки эти были «жестоким зрелищем», участники которого должны были рисковать жизнью. Когда один из офицеров разбился насмерть, «все громко выражали свое неодобрение, все повторяли сказанную кем-то фразу: «Недостает только цирка с львами». Здесь появляется конь Гладиатор (в черновиках романа скачки названы гладиаторством). Одна из зрительниц обмолвилась знаменательными словами: «Если б я была римлянка, я бы не пропустила ни одного цирка».

Жестокое зрелище, напоминавшее о римских ристалищах и цирках, было устроено специально для развлечения двора. «Большой барьер,— пишет Толстой,— стоял перед самой царской беседкой. Государь, и весь двор, и толпы народа — все смотрели на них». К этой же исторической метафоре относится и упоминание о Сафо, светской львице, в кружке которой проводит свои вечера Анна, и «афинские вечера», которые посещает Вронский. Таким образом из разрозненных подробностей в романе Толстого складывается цельная картина «современного Рима» эпохи упадка цивилизации. Это отношение к современности было характерно не только для Толстого, но и для многих публицистов и мыслителей его эпохи. «Трудно подойти близко к истории древней Римской империи без неотвязчивой мысли о возможности найти в этой истории общие черты с европейской современностью,— говорилось в 1876 году в журнале «Вестник Европы». — Эта мысль... пугает вас ввиду тех ужасающих образов, в которых олицетворялось для вас глубокое нравственное падение древнего мира»³.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 100.

² Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1973, с. 183.

³ Вестник Европы, 1876, № 1, с. 374—375.